

Д. Я. Майдачевский

ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА: МЕЖДУ ИСТОРИЕЙ И ТЕОРИЕЙ

Немного истории

При нашей любви к «круглым» датам в текущем году вполне можно было отмечать столетний юбилей с начала обсуждения на страницах научных изданий, в качестве самостоятельной, проблемы предметно-содержательных оснований историко-экономической науки. В этом случае, за точку отсчета был бы взят факт появления в журнале «Вестник и библиотека самообразования» статьи Е. В. Тарле «Чем объясняется современный интерес к экономической истории». Хотя справедливости ради следует заметить, что в действительности обсуждение проблемы началось много раньше, но в контексте обсуждавшихся экономистами вопросов методологии политической экономии (например, работы В. Ф. Левитского), а историками — экономического материализма в истории (статьи Н. И. Кареева). Уже вслед за небольшой статьей Тарле увидели свет носящие теоретико-методологический характер публикации И. М. Кулишера, М. В. Довнар-Запольского, П. Б. Струве.

Первое десятилетие советской эпохи, которое с полным правом может быть названо «золотым» для историко-экономической науки, было отмечено оживлением интереса к проблеме предметно-содержательных ее оснований, но вновь в рамках более широкого по содержанию обсуждения методологических вопросов политической экономии. Начало было положено полемикой вокруг включения этой дисциплины в учебные планы средней школы. Авторы первой школьной программы по политической экономии заявили об отказе от сложившегося в науке и принятого образованием, а на их взгляд, искусственного, деления экономической науки на «политическую экономию», «историю экономического быта» и «экономическую политику». Такая дифференциация экономической науки, по их мнению, «грешила» против научного, то есть исторического понимания предмета

политической экономии. И хотя фактически в среднюю школу пришла не политическая экономия, а история экономического быта, последняя, постепенно теряя статус самостоятельной дисциплины, «растворялась» в предмете политической экономии, которая, в свою очередь, становилась своеобразной «марксистской исторической политической экономией» или «теорией исторической экономики», как нередко называли ее издания тех лет.

В начале 1930-х годов в результате дискуссии между сторонниками политэкономии в широком и узком смысле слова эта дисциплина окончательно обрела статус исторической, а история экономического быта на многие десятилетия потеряла шансы стать самостоятельной дисциплиной. В условиях господства «единственно научной» историко-экономической концепции — марксистской — историко-экономической науке в лучшем случае доставалось изучение развития производительных сил того или иного способа производства, тогда как на долю политической экономии — соответствующих производственных отношений.

Не лучше обстояло дело и в исторической науке, где «научный» анализ экономического строя общества под углом зрения историзма привел к социологической концепции марксизма — к теории классовой борьбы, и только таким «опосредованным» путем к «внедрению» экономики в историю. История хозяйства (или экономическая история) стала устойчиво отождествляться с рабочей историей, историей рабочего движения, а в итоге — с историей идеологии этого движения, историей рабочей организации, партии. И опять-таки в лучшем случае на долю историков, занимавшихся прошлым экономики, доставалось изучение социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции¹.

И в том и в другом случае историко-экономической науке отводилась роль вспомогательной дисциплины, — она была призвана либо собирать исторический материал для последующих исторических обобщений, либо, напротив, иллюстрировать действие общих закономерностей исторического процесса на конкретных примерах развития хозяйства отдельных стран. Вспыхивавшие порой обсуждения вопроса о предмете этой науки вряд ли можно даже назвать дискуссиями, поскольку велись они в достаточно жестких рамках, которые задавались отнесением политической экономии к числу исторических наук и господством марксистской теории исторического развития².

Вот почему лишь в последнее десятилетие прошлого века, когда в отечественной экономической науке «дедуктивный» метод победил «исторический» и экономическая теория «разошлась» с историей экономики (экономической историей), вновь стала актуальной проблема предметно-содержательных оснований последних. Историческое содержание практически отсутствует в современной экономической теории, которая рассматривает экономику статически, преимущественно в ее современном состоянии. Между тем, экономика находится в состоянии постоянного изменения и развития. Этот «недостаток» экономической теории (который и сам возник в результате исторического развития этой науки и немало способствовал углублению нашего теоретического знания об экономике) и призваны компенсировать вновь получившие шанс стать самостоятельными научными и образовательными дисциплинами — «история экономики» и «экономическая история».

Благодаря произошедшим изменениям, акценты в публикациях, посвященных проблеме предметно-содержательных оснований историко-экономических дисциплин, переместились с обсуждения границ между последними и политической экономией, к поиску таковых между исторической и экономической науками. Однако и в такой ее постановке проблема далека от своего решения (хотя некоторые исследователи уже поздравляли историко-экономическую науку с победой в области методологии³), что свидетельствует о все еще далеком от своего завершения процессе самоопределения этой отрасли знания.

Историко-экономическая наука: что в имени твоём?

Сегодня вряд ли кто из ученых, занимающихся историко-научными исследованиями, сомневается, что первым институциональным опознавательным знаком любой научной дисциплины является ее название. Поэтому уже один только факт использования наукой и образованием как равнозначных названий, явно несущих различную смысловую нагрузку — «история экономики», «экономическая история», «историческая экономика» и др. — яркое свидетельство раздробленности историко-экономической науки на относительно самостоятельные части или даже существования нескольких самостоятельных дисциплин.

Впрочем, отдельные исследователи, не склонные драматизировать ситуацию, считают ее естественной для дисциплин, формирующихся на границах между уже сложившимися науками, в

нашем случае, историей и экономикой, а потому ставят знак равенства между, например, «экономической историей» и «исторической экономикой»⁴. С такой «примиренческой» позицией можно было бы согласиться, если бы следование ей не препятствовало «самоопределению» двух, вполне возможно, самостоятельных дисциплин. Тем более что на взгляд других авторов, дефинициями «экономическая история» и «историческая экономика» закреплено фактически сложившееся в науке интеллектуальное разделение труда между историками и экономистами⁵.

Чаще, однако, разделение труда между ними пытаются зафиксировать с помощью понятий «экономическая история» и «история экономики» («история народного хозяйства»), разграничивая объекты исследования этих, соответственно, исторической и экономической дисциплин. Высказанная впервые в 1989 году М. М. Солодкиной⁶ (эта ее публикация фактически открыла новый этап в обсуждении методологических проблем историко-экономической науки и немало способствовала расширению ее проблемного поля) идея и сегодня находит своих пропагандистов: «экономическая история имеет **объектом** (выделено нами. — Д. М.) изучения исторические события, а методы изучения применяет экономические. История народного хозяйства **предметом** изучения имеет хозяйство, экономический способ производства, а метод изучения у нее — хронологический, то есть исторический. Но в нашей стране из-за недооценки историко-экономической науки эти различия не принимаются во внимание, и все ставят знак равенства между экономической историей и историей народного хозяйства»⁷.

Выделенные в цитате слова призваны указать отнюдь не на ошибки в тексте или небрежность, допущенную при наборе, а на принципиальную позицию автора, отождествляющего объект и предмет научной дисциплины⁸. При этом А. Н. Маркова не одинока в своих методологических построениях. Петербургские исследователи Г. Г. Богомазов и Н. П. Дроздова не только фактически ставят знак равенства между объектом и предметом исследования историко-экономической науки, но и утверждают, что «понятия предмета и объекта подвижны и могут меняться местами в зависимости от направленности и цели, которую ставит перед собой ученый»⁹.

Под объектом науки, как правило, понимают определенную часть окружающей нас реальности, материального и не-

материального мира, которая существует независимо от нашего знания о ней. Такой частью объективной действительности, а стало быть, и объектом изучения, выступает экономика (хозяйство). Последнюю можно определить как процесс взаимодействия человека с окружающей его природной и социальной средой. Система этих отношений, взаимодействий или связей, подчеркнем, не только опосредованных (овеществленных), но и непосредственных, выступает объектом изучения целого комплекса социальных и гуманитарных дисциплин. Поскольку отношения, складывающиеся в процессе хозяйственной деятельности человека, являются лишь частью системы социальных отношений (а экономика — подсистемой общества), они выступают непосредственным объектом изучения экономической науки, а также отдельных разделов этой или других социальных и гуманитарных наук, что закрепляется в их названиях: экономическая социология, экономическая антропология, экономическая история, история экономики и т.д.

Исходя из изложенного, нетрудно придти к выводу, что отнюдь не объектами изучения науки (или их разделы) отличаются друг от друга. Науку конституирует не объект, а специфический «взгляд» на него исследователя, точнее, — особый подход к анализу этого объекта. Предмет, в отличие от объекта, существует лишь в сознании ученого, т.е. зависит от самого научного знания, его состояний и является его частью. Поэтому нет ничего необычного в том, что одному объекту исследования может соответствовать несколько предметов изучения. Соответственно, каждая из названных выше изучающих экономику дисциплин, имеет собственный предмет, который, в свою очередь, не есть нечто застывшее: представления ученых о предмете своей науки динамичны, как динамично само научное знание.

Если мы договорились (и это, надеемся, очевидно из сказанного выше) не отождествлять «историю экономики» и «экономическую историю» с «исторической экономикой», к которой следует отнести историческое направление в политической экономии, включая марксистскую ее разновидность, а также существовавшие в прошлом и возможные в будущем течения экономической мысли, занятые разработкой теорий, «привязанных» к тому или иному историческому периоду¹⁰, то граница между этими дисциплинами определяется различиями в используемых ими общеметодологических подходах к анали-

зу общего объекта, что приводит к решению различных по характеру исследовательских задач.

«История экономики (хозяйства)» представляется автору неотъемлемой частью исторической науки, дисциплиной преимущественно эмпирической. Главной ее задачей является получение достоверного знания о фактах, разносторонне характеризующих экономические отношения минувших эпох (в зависимости от принятого исследователем угла зрения, то есть предмета изучения), что, заметим, не исключает существования в ее рамках обобщений, попыток выделения типического в хозяйственном развитии. «Экономическая история хозяйства» (как нам представляется, это название более точно, нежели просто «экономическая история», отражает содержание данной дисциплины) видится уже дисциплиной преимущественно теоретической, использующей концепции и аналитический инструментарий, выработанный экономической наукой, для анализа экономических отношений, интерпретации фактов эмпирической истории хозяйства.

Применительно к «экономической истории хозяйства» особо подчеркнем актуальность использования всего многообразия теоретических подходов, имеющихся в арсенале экономической науки, а не только современной неоклассической теории, как на том настаивают некоторые исследователи¹¹. Сошлемся на пример такого научного направления в экономической истории как «клиометрика», для которого как раз и характерно использование корпуса теоретических идей (неоклассической теории). Однако уже одному из творцов «клиометрики» Д. Норту были очевидны не только несомненные достоинства данного направления развития науки, но и не менее серьезные его недостатки, сводящиеся, в конечном итоге, к невозможности произвести с помощью неструктурированного множества частных экономических теорий обобщения или анализ, которые вышли бы за рамки конкретного исторического сюжета¹². Д. Нортom был предложен и один из путей преодоления указанного недостатка, связанный с включением в экономическую историю институционального анализа.

Историко-экономическая наука в аудитории: возможны варианты

Изучаемая студентами, как правило, первого курса, дисциплина «история экономики» часто еще и вынужденно носит

«исторический» характер, поскольку опирается лишь на полученные в средней школе знания всеобщей истории. Она изучается параллельно с курсом экономической теории и не может в полной мере отталкиваться от базовых понятий экономической науки, зачастую даже тех, что вошли в экономический язык из исторической практики хозяйствования.

Если не довольствоваться изучением этой эмпирической дисциплины, а начать движение в сторону «экономической истории хозяйства», то первый шаг на этом пути может состоять в последовательной реализации принципа «экономизации» дисциплины, что достигается, во-первых, путем постоянного абстрагирования от второстепенных, неэкономических аспектов изучаемой исторической действительности, истолкования исторических явлений и процессов под экономическим углом зрения — с этой точки зрения нас менее всего должна волновать полнота картины или создание тотальной хронологии исторических событий. Во-вторых, путем привлечения для целей изучения теоретических конструкций, заимствованных из арсенала экономической науки. Акцент может быть сделан на рассмотрении альтернативной неоклассике институциональной теории, в основе которой лежит анализ исторической динамики и преемственности экономических институтов.

В практике преподавания автором «истории экономики» в Байкальском государственном университете экономики и права¹³ предметной областью были избраны экономические институты. Важным результатом взаимодействия людей для достижения поставленных ими целей является институционализация подобного их поведения, то есть закрепление определенного поведения в те или иные организационно устойчивые формы, признаваемые всеми участниками данной деятельности и передаваемые следующим поколениям занятых ею людей. Иначе говоря, прошлые действия людей воплощаются в определенных институтах, которые, в свою очередь, определяют их поведение в настоящем или будут определять в будущем, задают «рамки» последующего развития. Институционализация является, таким образом, механизмом социального упорядочения экономических действий.

Наука не выработала единого представления об экономических институтах, поэтому данное понятие автор определил исходя из задач последующего изложения как форму социальной органи-

зации людей в процессе их хозяйственной деятельности (в производстве, распределении, обмене и потреблении). Соответственно, история экономики имеет своим предметом развитие экономических институтов: их зарождение, трансформацию и смену новыми.

В рамках избранного предмета изучения автором в лекционном курсе излагается эмпирическая история экономических институтов. Однако, поскольку исторические факты не объясняют себя сами, они требуют для своей интерпретации соответствующей теории. На практических занятиях рассматриваются основные теоретические историко-экономических подходы, не выходящие за круг идей институционализма и используемые для интерпретации отдельных сюжетов эмпирической истории: теория разделения труда, основанного на обмене А. Смита; теория роста населения Т. Мальтуса; формационная теория К. Маркса; субстантивистская теория К. Поланьи; теория хозяйственных порядков В. Ойкена; мир-системный подход И. Валлерстайна; и некоторые другие. Такие теории дают не столько описание, сколько объяснение изучаемых явлений. Они имеют гипотетико-дедуктивную структуру. В их основании лежит набор исходных понятий и фундаментальных принципов, задающих тот угол зрения, под которым и рассматриваются факты эмпирической истории.

Конкуренция или альтернатива?

Сознавая все изъяны предложенного подхода, автор усматривает опасность для историко-экономической науки в присущих ее нынешнему состоянию крайностях: ухода, с одной стороны, в голую эмпирику «истории экономики» (для этого достаточно взглянуть на содержание учебников по этой дисциплине) и пребывания в узких рамках неоклассической теории «экономической истории» — с другой. Забытый «центр (проблемного) поля» науки будет незамедлительно «захвачен» игроками команд, представляющих другие дисциплины, как это уже было в истории данной науки

Вспомним, хотя бы представителей так называемого историко-социологического направления М. Вебера и В. Зомбарта, которых иногда не совсем правильно, на наш взгляд, относят к третьему поколению немецкой исторической школы в политической экономии. Они известны не только своими фундаментальными историко-экономическими трудами, но и вкла-

дом в разработку теоретико-методологических основ историко-экономической науки, поисками для нее интеллектуальной ниши. Последнее было крайне актуально, поскольку «борьба методов» — индуктивного (исторического) и дедуктивного (абстрактно-логического) — в экономической науке, завершавшаяся победой последнего, перекинулась и на историю. В историко-экономической науке, считали М. Вебер и В. Зомбарт, уместны два подхода: исторический, рассматривающий однократные, неповторяющиеся феномены, и социологический, интересующийся тем, что в истории повторялось, стало типическим. Благодаря усилиям этих ученых историко-экономическое знание обрело убежище у социологической науки. Однако с позиций набравшей силу неоклассической экономической теории история экономики потеряла свою «экономичность» и стала частью «экономической социологии».

Вот и в наши дни проблемное поле «экономической истории хозяйства» все активнее осваивают представители «экономической социологии». В учебные издания уже включают разделы, посвященные «социологии истории хозяйства», предметом которой является «специфическое обобщение, построенное на вторичном анализе экономико-исторических и историко-философских мирохозяйственных схем»¹⁴. Читаются учебные курсы, рассматривающие теории социально-экономического развития, фундаментальные концепции, интерпретирующие историю хозяйства¹⁵. Публикуются монографии (и защищаются диссертации), излагающие экономико-социологические теории, которые объясняют закономерности хозяйственного развития¹⁶. Экономисты же, все еще отторгающие мысль о том, что «экономического вне социального не существует», а также историки, как «черт от ладана» бегущие от социальной теории, рискуют оказаться на периферии как историко-экономической науки, так и образования.

Примечания

¹ Подробнее см.: Бовыкин В. И. Актуальные проблемы экономической истории // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 16–18.

² См.: Авдаков Ю. К. К вопросу о предмете истории народного хозяйства // Научные записки. Вып. 4 / Всесоюзн. заочн. эконом. ин-т. Кафедра полит. экономии. М., 1958. С. 156–174; Шемякин И. Н. О предмете экономической истории // Тезисы докладов на научно-методи-

ческом совещании по экономической истории / Ред. колл. Е. Ф. Борисов и др. Киев, 1965. С. 19–26; Голубничий И. С. Связь предметов экономической истории и политической экономии // Там же. С. 80–86; Крандиевский С. И. Политическая экономия и экономическая история // Экономические науки. 1974. № 12. С. 11–15; Богатырев Ш. Ш. Предмет экономической истории в современной литературе европейских стран социализма. Научно-аналит. обзор. М., 1978; Голин Э. Политическая экономия и экономическая история: логика научного исследования // Экономические науки. 1979. С. 22–27; и др.

³ См.: Маркова А. Н. О фундаментальном значении экономической истории // Экономическая история России XX века: проблемы, поиски, решения: Ежегодник. Вып. 2. Волгоград, 2000. С. 19.

⁴ См.: Бовыкин В. И. Миланский конгресс экономической истории и наша историко-экономическая наука // Экономическая история. Обзор. Вып. 1 / Под ред. В. И. Бовыкина и Л. И. Бородкина. М., 1996. С. 9.

⁵ См.: Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997. С. 110.

⁶ См.: Солодкина М. М. Об историко-экономическом познании // Истоки. Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1. М., 1989. С. 31–32.

⁷ Маркова А. Н. Указ. соч. С. 19.

⁸ На С. 23 автор почти дословно воспроизводит данные определения.

⁹ Богомазов Г. Г., Дроздова Н. П. Предмет и методология экономической истории // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 5. 2000. Вып. 2 (13). С. 111.

¹⁰ Мы целиком и полностью разделяем оценки, данные И. М. Савельевой и А. В. Полетаевым, их научной значимости и перспективам развития (См.: Савельева И. М., Полетаев А. В. Указ. соч. С. 22–26).

¹¹ См.: Экономическая история. Обзор. Вып. 1 ... С. 47.

¹² Подробнее см.: Ломова С. А. Сорок лет американской клиометрики (заметки по истории научного направления) // Компьютер и экономическая история: Сб. научн. тр. Барнаул, 1997. С. 104–137; Она же. Экономическая история и клиометрика: самоидентификация направлений в России и за рубежом // Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 3–20.

¹³ См.: Майдачевский Д. Я. История экономики: Учебно-методический комплекс. Иркутск, 2003. 120 с.

¹⁴ Радаев В. В. Экономическая социология: Курс лекций. М., 1997. С. 253.

¹⁵ См.: Петров А. В., Шрадер Х. Теория социально-экономического развития: Программа курса // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. № 1 (17). С. 174–179.

¹⁶ См.: Бессонова О. Э. Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. Новосибирск, 1997; Она же. Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск, 1999.